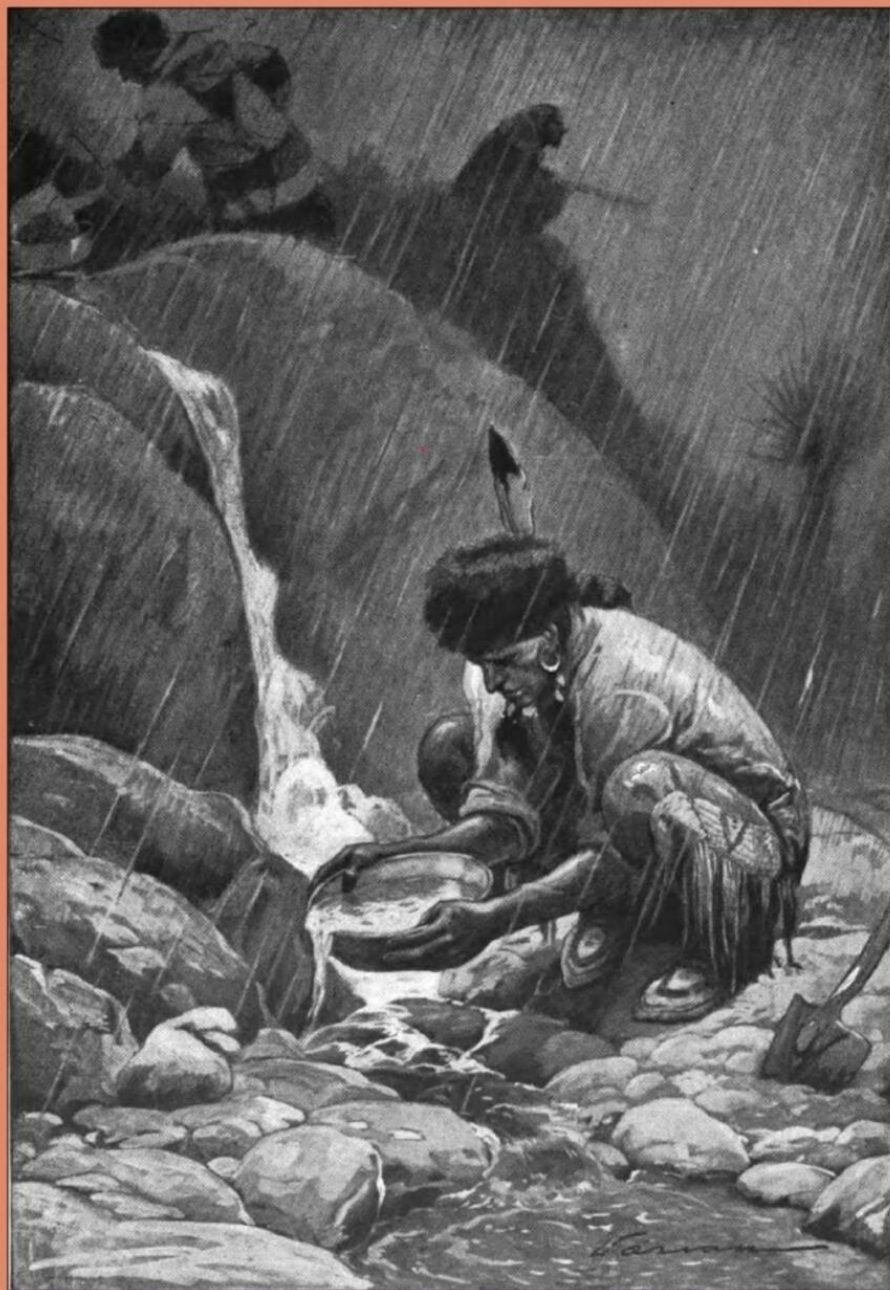


# Золотой тайник



Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Уиллард Шульц

## **Золотой тайник**

«Автор»

2022

**Шульц Д.**

Золотой тайник / Д. Шульц — «Автор», 2022

Приключения Тома Фокса и его друга Питамакана продолжаются. Теперь их путь лежит на юг, где индейцы оставили клад из золотых монет.

# Джеймс Уиллард Шульц

## Золотой тайник

### ГЛАВА I

После нашего возвращения с берегов Западного моря, – и перед нашими незабываемыми приключениями с Длинным Медведем, приведшими нас на тропу войны с ассинибойнами – Питамакан вернулся в лагерь черноногих к своему отцу, чтобы присматривать за двумя сотнями лошадей, которых мы получили за шкуру тюленя. Я был рад на некоторое время остаться в форте. Хотя я был все еще простым юношей, служащие Американской Мехаовой Компании и охотники более не относились ко мне, как к младшему – приключения, пережитые мной за последние два года, уравнили меня с ними, потому что я видел больше, чем любой из обитателей форта.

Кузница в форте Бентон всегда была для меня интересным местом; я даже собирался овладеть кузнечным ремеслом. Когда однажды утром я вошел в кузницу, она была пуста, поэтому я разжег горн и собрался выковать нож для снятия шкур из старого куска железа.

– Хау! Хау! Это ты, добывший собаку-рыбу! – произнес кто-то, когда я погрузил заготовку в груды пылающих углей.

Повернувшись к дверному проему, я увидел индейца из племени северных черноногих, по имени Нит-Ай-На (Одиноким Вождь), стоящего передо мной. Недавно он вернулся из набега далеко на юг и со своими товарищами несколько дней отдыхал в маленьком лагере, разбитом прямо у ворот форта.

– Помоги мне, мой добрый юный друг, – сказал он серьезно, протягивая мне руку.

– Скажи как; обязательно помогу, – ответил я.

Отвязав от пояса богато расшитый кисет, он сказал:

– Во время набега мы нашли много металлических кружков. Белые, которые сделали их, должно быть, были глупы; в них нет отверстий и к ним не приделаны петли, их никак нельзя прикрепить к одежде и поэтому они совершенно бесполезны. Я прошу тебя сделать в них отверстия, чтобы я мог сделать из них ожерелье.

И с этими словами он положил в мою ладонь несколько ярких, тяжелых желтых дисков, которые он вытащил из кисета. Это были двадцатидолларовые золотые монеты, и их было двадцать пять штук! Я держал в руке пятьсот долларов золотом! Это было больше, чем я видел за всю свою жизнь. На мои нетерпеливые вопросы он кратко ответил, что он и его отряд нашли эти золотые предметы на тропе белых далеко на юге, но, поскольку яркие кружочки не имели никаких отверстий, отряд взял лишь небольшую их часть.

– А остальная часть – полные ящики, – спросил я, – что случилось с ними?

– Мы закопали их там же, где нашли. Мы думали, что возможно, когда будем возвращаться на север, возьмем еще, но на обратном пути мы через это место не проходили.

– Прежде, чем делать в них отверстия, позволь мне показать их моему дяде, – предложил я, и Нит-Ай-На с готовностью согласился пойти со мной в контору.

Мы нашли дядю Уэсли, который писал накладную для килевой лодки, которая должна была скоро отправиться с грузом мехов в Форт-Унион. Я сунул золотые монеты ему в руку и с большим волнением начал пересказывать слова Одиноким Вождя

– Погоди, погоди, не так быстро. Не забывайся, – охлаждал меня дядя.

Встав со стула, он обменялся рукопожатием с Одиноким Вождем, в нескольких словах дружески его поприветствовал и жестом пригласил его присесть на лежанку, покрытую бизоньей кожей. Потом он смешал табак с ивовой корой, набил этой смесью большую каменную трубку и передал ее индейцу. По очереди затягиваясь, они стали говорить о охоте и делах пле-

мени, пока я в нетерпении прервал их разговор, чтобы вернуться к рассказу о золоте. Я уже подумал, что к этой теме они более не вернуться.

– Ты знаешь, что это такое? – спросил наконец дядя Уэсли, поднимая со стола стопку монет.

– Да, конечно знаю; это недоделанные пуговицы, – ответил Одинокый Вождь

– Нет, молодой брат, ты ошибаешься; это не пуговицы, – сказал мой дядя. – Это такие предметы, с помощью которых можно покупать вещи. Каждая из них стоит десять больших бобровых шкур. За пять таких ты можешь купить хорошее капсюльное ружье. За одну – одеяло с тремя полосками<sup>1</sup>.

– Неужели? – воскликнул Одинокый вождь, хлопнув ладонью по губам, что было признаком крайнего удивления. – Если это так, я не буду делать из них ожерелье. Я пойду прямо в магазин и куплю вещи.

Но, разумеется, перед этим он должен был докурить большую трубку до последней затяжки – прервать эту дружественную полурелигиозную церемонию с точки зрения черноногих было бы серьезным нарушением этикета. Чтобы ускорить процесс, мой дядя, которому было столь же интересно, как и мне, узнать, как было найдено золото, стал задавать индейцу вопросы, не дожидаясь, когда тот докурит.

– Ах! Вы об этом узнаете, – сказал Одинокый вождь. – Именно из-за моей мечты мы шестеро отправились далеко на юг, в земли Спай-и-куах (испанцев). В той стране я потерял брата. Он пошел в набег с отрядом наших воинов в ту страну, где всегда лето, и был убит врагами. Я всегда думал, что нужно пойти туда и отомстить за его смерть, но мои сны всегда запрещали мне это сделать. Но на сей раз мой сон был благоприятным; мой тайный покровитель достаточно явно дал мне знак идти, мы вышли пешком и шли только ночами.

Все видя, но сами оставаясь невидимыми, мы пошли на юг по нашей земле к Лосиной реке, затем вверх по реке Толстороба через страну Ворон. Южнее, миновав маленькие речки, которые, сливаясь, образуют реку Толстороба, мы вышли на большую дорогу – дорогу белых людей, которая шла с востока на запад через перевал в больших горах. Недавно по этой дороге прошли фургоны и пешие люди, и мы пошли по свежему следу, чтобы увидеть их и посмотреть, как они выглядят. До реки, текущей с гор, путь был долгим, и мы страдали от жажды. Наконец мы увидели каньон в горах к северу от перевала и поняли, что там должна быть вода; мы поспешили в том направлении, где должна была течь река. Когда мы приблизились к ней, раздались выстрелы – много выстрелов, и скоро в воздух поднялось облако дыма. Мы сошли с дороги, залезли в заросли полыни и поползли по ним, надеясь вскоре увидеть, что там происходит. Скоро мы увидели большой отряд индейцев, которые уходили от огня и направлялись на восток по дороге. Они не торопились; они прошли совсем недалеко от нас, и мы увидели, что это были сиу.

Отряд ехал на индейских лошадях, но в поводу вели много лошадей, принадлежавших белым, нагруженных товарами белых – одеялами, тканями и мешками – очевидно, с сахаром или другими продуктами. Когда сиу скрылись из виду, мы поспешили к тому месту, где был пожар; это место было около ручья, и там мы увидели два фургона, которые почти полностью сгорели со всеми вещами, которые в них были, а рядом лежали тела семерых белых – они были утыканы стрелами, скальпы сняты. Там мы нашли ведра, наполнили их водой и стали заливать тлеющие кучи, надеясь спасти что-нибудь, что могло бы нам пригодиться. Мы нашли несколько вещей, которые пощадил огонь, и в большом бочонке с солью – дерево почти сгорело – нашли четыре маленьких ящичка.

Они были маленькими, но очень тяжелыми. Мы топором взломали один из них и обнаружили, что он наполнена этими недоделанными пуговицами; открыли остальные и оказалось, что там тоже пуговицы. Каждый из нас взял по несколько штук из одного ящичка, и мы собрались продолжать наш путь, когда кто-то из нас предложил припрятать коробки и на обратном

пути взять еще эти ярких штучек. Там мы их и закопали – прямо в гравий у берега ручья, рядом с большой скалой. И там они и лежат – потому что, как я уже сказал, мы прошли обратно более длинной дорогой, восточнее перевала.

– А сколько таких было в одной коробке – вы их считали? – спросил дядя Уэсли.

– Мы сосчитали один ящичек, – был ответ. – Там было двести пятьдесят недоделанных пуговиц, и все ящички были такого же размера.

Я начал считать в уме, но дядя Уэсли меня опередил.

– Тысяча монет, двадцать тысяч долларов! – воскликнул он. – Томас, мальчик мой, в этом тайнике целое состояние.

– О дядя, это так много денег! – воскликнул я. – Уговорите его вернуться к этому месту с кем-нибудь из нас и показать, где они это спрятали.

– Посмотрим, что можно сделать, – сказал он, – но я не думаю, что кто-то из нас окажется в этом отряде. С тебя приключений достаточно; сейчас тебе самое время вернуться к учебникам и работе в форте.

К этому времени трубка была докурена, и Одиноким Вождь решил пойти в магазин. Дядя Уэсли пошел с ним. Когда последняя золотая монета оказалась по другую сторону прилавка, дядя Уэсли положил прекрасное белое одеяло на груды товаров, купленных Одиноким Вождем.

– Для твоей женщины, – сказал он. – А теперь, – продолжал он, – я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Я хочу, чтобы ты вернулся к большой дороге с несколькими моими людьми и показал им, где вы припрятали эти коробки.

– Я устал от этого дальнего путешествия и не хочу туда возвращаться, – ответил Одиноким Вождь. – Но ты был добр ко мне, и я хочу ответить тебе тем же. Может быть, я и сделаю то, о чем ты меня просишь, только дай мне ночь или две, чтобы я мог все обдумать.

С этими словами он забрал свои покупки и вернулся в лагерь.

В течение следующего часа остальные пятеро воинов отряда пришли к нам и потратили все золото, какое у них было – всего тысячу сто долларов. Так много монет, как у Одинокого Вождя, ни у кого из них не было.

Следующим днем никаких известий от Одинокого Вождя не было, но вечером он пришел к нам и сказал, что обдумывает этот вопрос и даст окончательный ответ завтра утром. Я думаю, что все решилось бы хорошо, если бы не чрезмерное гостеприимство жены дяди Уэсли. Цис-цаки налила вождю чашку крепкого кофе и накормила пирогами, жареными в бизоньем жире. Непривычная пища вызвала дурные сны, потому что рано следующим утром он пришел к нам и сказал, что его магия сказала ему не ходить больше на юг. Мы сразу поняли, что спорить с ним бесполезно. Остальные воины его отряда послушались указаний, виденных им во сне, и тоже отказались стать для нас проводниками к тайнику. Действительно, сделать это они готовы были только из уважения и дружеских чувств по отношению к моему дяде. Перспектива стать богатыми их не привлекала; еда у них всегда была в изобилии, а за несколько бизоньих или бобровых шкур они могли время от времени получить достаточно, чтобы удовлетворить все свои потребности.

– Ну что ж, дядя Уэсли, теперь ты все понял, – сказал я. – Я должен выкопать этот клад. Дайте мне несколько человек, и я найду это золото.

– Ха! Хм! – пробормотал он, и, откинувшись назад на большом, накрытом бизоньей шкурой стуле, расчесал пальцами свои длинные волосы и замер в молчании. Я знал, что это было признаком того, что он поддается, и добавил:

– Одиноким Вождь может нарисовать для меня карту этого места, и с ней я наверняка смогу найти золото.

– Но риск очень велик, – возразил он. В это время года равнины полны военных отрядов сиу, Ворон, шайеннов и племен, живущих далеко на юге.

– Между этим местом и Тихим океаном тоже было много врагов, но я дважды благополучно прошел через их страну, – ответил я.

И прежде, чем он смог ответить на это замечание, я получил неожиданную помощь от Цисцаки. Она достаточно понимала английский язык, чтобы понять, о чем идет речь, и теперь сказала на своем языке:

– Мой вождь, ты знаешь, что у меня есть сильный магический покровитель. Всего несколько ночей назад, во сне, я видела нашего мальчика, который поехал охотиться на поросшей зеленой травой равнине. Ты знаешь, что это означает: это значит, что следующим летом мы снова увидим зеленую траву, и поэтому ему не грозит опасность на пути к тайнику с драгоценным металлом. Конечно, опасности будут, но он всех их избежит. Позволь ему идти с его братом, Питамаканом, и одним или двумя из твоих людей, которым ты доверяешь, и все будет хорошо.

У меня есть основания считать, что мой дядя Уэсли в какой-то мере уважал суеверия черноногих; те немногие белые, которые долго прожили среди них, не считали, что их сны и виденные ими знаки ничего не значат. Во всяком случае, когда Цисцаки закончила говорить, он усадил ее на свое колено и нежно сказал:

– Значит, ты видела, что он едет по зеленой траве! Хорошо, пусть он с Питамаканом идет, и с ними пойдет Хосе. Он единственный из наших старых служащих, на кого я могу рассчитывать.

– Ура! Ура! – закричал я и поцеловал Цисцаки. Она всегда была моим хорошим другом – моей второй матерью. Взяв свое ружье и боеприпасы с колышков над камином, я пошел в конюшню, сказав дяде, что поеду за Питамаканом.

Лагерь южных черноногих, или, точнее, пиканов, находился на реке Мариас, к северу от холма Гусиный Клюв, на расстоянии целого дня пути от форта. На этом пути было много небольших отрядов, которые направлялись в форт торговать или возвращались в лагерь, поэтому почти всю дорогу у меня были спутники. В сумерках я подъехал к входу в вигвам Белого Волка, отца Питамакана, и крикнул:

– Кат-ай-ри-стау-пи ник-так-а? (Здесь ли мой друг?)

Тут же вся семья вышла из вигвама, чтобы приветствовать меня. Я был столь же рад видеть их всех, как они – видеть меня. За ужином я рассказал им новости из форта и услышал, что нового в лагере. И потом, пока Белый Волк курил свою трубку, я рассказал ему о черноногих, которые нашли золото, и попросил его разрешить Питамакану пойти со мной на поиски тайника.

– Когда? – спросил вождь.

– Завтра. Я хочу отправиться на рассвете.

– Ты говоришь так, словно хочешь пройти до ближайшего ручья и вернуться! – воскликнул он. – Да ведь это все равно что военный поход! Ваш путь пройдет по землям множества врагов. Питамакан может с тобой пойти, но вы должны подготовиться должным образом. Завтра старый Красный Орел должен провести нужные магические обряды; ваши матери сделают вам запасные мокасины и послезавтра вы сможете поехать в форт.

Так что на следующий день мы со старым Красным Орлом молились в хижине для потения. Пока мы сидели в облаках пара и пот тек с нас ручьями, он просил богов охранять нас на длинном и опасном пути на юг и помочь нам вернуться со скальпами врагов. Когда он закончил, мы выбежали из хижины, чтобы окунуться в холодные воды реки.

Позже в тот день мы выбрали себе двух лучших лошадей из нашего табуна и четырех подарили Красному Орлу. Пока мы будем отсутствовать, он должен был каждый вечер объезжать лагерь и напоминать всем его обитателям молиться за наш успех и благополучное возвращение. Следующим утром мы отправились в форт и прибыли туда еще засветло.

На следующий день мой дядя уговорил Одинокого Вождя сделать для нас карту, где показаны проход через горы, ручей, место, где были сожжены фургоны и большая скала, под которой был устроен тайник. Индеец нарисовал карту карандашом на листе белой бумаги, я изучил ее и поговорил с индейцем, пока не запомнил все детали и приметы местности.





Дядя Уэсли написал письмо, в котором обращался «Ко всем, кого это может касаться.» В письме говорилось, что мы были служащими Американской Мехающей Компании в форте Бентон, что мы путешествуем по делам Компании и просил о содействии всех, кого мы могли бы встретить. Письмо и карту я поместил в высушенный водонепроницаемый пузырь, который повесил на шею под рубашкой.

Хосе Перец, человек, выбранный в руководители нашей маленькой экспедиции, был испанцем, который долго служил в Компании.

Семья Питамакана в последний момент появилась в форте, чтобы попрощаться с нами и дать нам последние советы, и с ними был старый шаман, который должен был вознести больше молитв за наш успех.

На следующее утро после завтрака все обитатели собрались, чтобы проводить нас; женщины прощались с нами и с трудом удерживали слезы. Я обменялся рукопожатием с дядей; его голос дрожал, когда он сказал:

– Мальчик мой, мальчик мой! Я надеюсь, что не ошибся, позволив тебе уйти. Ради меня, как и ради себя, будь всегда осторожен и не забывай слушать Хосе.

И мы отправились. Каждый из нас ехал на сильной, быстрой лошади, а наши ружья и пистолеты были прекрасным оружием. Единственное выючное животное несло наши дополнительные боеприпасы -порох и пули на полторы тысячи выстрелов, капсюли, несколько одеял, запасные мокасины и три комплекта одежды из бизоньей кожи. Из еды мы взяли только мешочек соли; наш ежедневный рацион бродил по равнинам в бесчисленных стадах и висел на ветках созревающими гроздьями.

Выше форта мы пересекли вброд мелкую речку и повернувшись, чтобы помахать на прощание, вошли в длинный овраг, который шел до самой равнины. Над нами с хриплым карканьем летела ворона, и мы приветствовали ее радостными криками. Это была самая мудрая птица, и черноногие говорили, что ее присутствие всегда было хорошим знаком для воина и охотника.

## ГЛАВА II

Прекрасный южный ветер освежал наши лица, когда мы выехали из душного оврага на край большой равнины. Мы были рады видеть стада антилоп и бизонов, мирно пасущихся на равнине, потому что знали, что, пока эти животные мирно пасутся, никаких врагов поблизости нет.

Мы продолжали путь на юго-восток и перед закатом добрались до края долины – каньона, прорытого рекой Стрелы. Его склоны были такими крутыми, а камни по его склонам такими острыми, что по всей его длине было всего несколько мест, где его можно было пересечь. Утесы были любимым местом для толсторогов, и, спускаясь в каньон, мы видели несколько их групп. Один из них – большой самец – спрыгнул с утеса слева от нас, вернулся, чтобы еще раз на нас посмотреть; пуля из моего ружья настигла его, и он покатился вниз. Скоро мы освежали его и, отрезав большую часть жирных ребер и седла, продолжили путь вниз к реке. Там мы развели костер из хлопковых деревьев и приготовили все мясо; плотно поев и упаковав остальное на будущее, мы поднялись в долину по южному склону и разбили лагерь в начале длинного оврага.

Хотя черноногие считали южной границей своих земель Йеллоустоун, или, как они ее называли, Лосиную реку, они там не появлялись так часто, как на равнинах и в горах к северу от Миссури; и когда они были далеко от этих своих охотничьих угодий, Вороны разбивали там лагерь и охотились.

Мы знали, что военный отряд Ворон, сиу или шайеннов мог появиться в любой момент, и поэтому оставались в лагере до следующего вечера. Когда мы наконец возобновили наш путь, полная луна заливала окрестности серебристым светом. Мы двигались пять или шесть часов, и, когда наступил день, встали лагерем на плато у хребта, отделявшем реку Джудит от

ручья Теплых Источников. Лошадей мы спрятали в осиновой роще, где было много травы и дикого гороха, а потом перекусили запасенным мясом. Я дежурил первым и, принеся несколько покрытых листьями веток для маскировки, растянулся на камнях в тени небольших валунов. Было интересно смотреть на стада бизонов и антилоп, идущих длинными колоннами на утренний водопой; почти до самого берега они шли не торопясь, но потом рывком бросались к воде, чтобы утолить жажду.

Наши лошади паслись позади меня, на расстоянии не более ста ярдов, на хребте; на краю рощи деревья росли очень густо, и я их не видел, но утренний воздух был тих, и я явно слышал звуки, которые они издавали.

Справа от меня хребет возвышался на двадцать-тридцать футов, а затем так круто обрывался к ручью Теплых Источников, что я не мог видеть его склона. Несколько раз я подумывал о том, чтобы подползти к краю и посмотреть вниз, но все было таким тихим и мирным, что я все время откладывал это решение. Через некоторое время, однако, я почувствовал, что опасность где-то рядом.

Я уже собрался осмотреть невидимый склон, как услышал треск сухих сучьев и грохот камней; я заполз обратно в свое убежище и там замер. На мгновение или два все затихло, а потом неуклюжими скачками два больших оленя появились на краю плато; на мгновение они замерли, их уши дрожали, передние ноги беспокойно переступали; они оглянулись и затем бросились вниз по южному склону хребта.

Теперь снова послышался треск веток и стук камней, как будто там медленно шло несколько крупных животных. Затем звук шагов стих и чуть позже на хребте появился индеец – он медленно шел вдоль хребта и взглядом тщательно изучал долину реки Джудит. Он был очень высок, хорошо сложен, и был одет в изящную одежду из оленьей кожи и плащ из шкуры бизона; две его длинные косы на шесть дюймов не доходили до земли. Я редко видел столь приятные лица, как у него – оно выражало силу и достоинство и одновременно, как я был убежден, доброжелательность и щедрость души. Этот человек был в тридцати футах от меня; как только он повернулся и посмотрел на мои следы, я схватил свое заряженное ружье; мне показалось, что его острый взгляд непременно заметит меня под моим укрытием из веток. Если бы он поднял свой лук, чтобы выстрелить, мне не оставалось бы ничего другого, как выстрелить в него, но я знал, что внизу находится целый отряд его товарищей, ждущих результатов его исследования. Но он меня не увидел. Еще раз окинув взглядом долину, он стал спускаться по склону и снова появился в поле моего зрения, уже верхом на чалой лошади, направляющийся на юг в сопровождении тридцати двух человек – все они были на хороших лошадях. Они остановились на вершине хребта, приблизительно в ста пятидесяти ярдах от меня и стали что-то обсуждать. Я слышал несколько слов из их разговора и решил, что это шайенны. Они были так же красивы внешне и так же хорошо одеты, как и любые индейцы прерий, но вооружены были хуже – не более половины из них имели ружья. Я сильно испугался; каким бы хорошим не был их предводитель, я знал, что, если бы нас обнаружили, на милосердие нам рассчитывать не пришлось бы. Когда он сперва вышел на гребень, только восточный ветер не дал ему услышать звуки, которые издавали пасущиеся лошади. Если бы теперь ветер донес до их лошадей запах наших, они стали бы обмениваться приветственным ржанием, и нас бы сразу обнаружили. Каждую секунду я ждал, что какая-то из наших лошадей вдруг заржет. Я замер; холодный пот тек по моей спине.

Отряд совещался в течение времени, показавшимся мне бесконечным. Наконец один из воинов спешился, и остальные начали спускаться с хребта, ведя лошадей в поводу. Оставшийся взял ружье, снял с лошади одежду из кожи бизона, аккуратно сложил и уселся на нее спиной ко мне. Я следил за ним и его товарищами. Судя по всему, они хотели спуститься к реке, чтобы остаться там на весь день и отдохнуть. В этом была другая опасность; они могли заметить наш свежий след и догадаться, что мы наверху, вернуться и найти нас. Пересекая долину, они были

недалеко от нашего следа, но, к счастью, свернули раньше, и, наконец, спешили в нескольких сотнях ярдов от того места, где мы переходили реку вброд. Похоже, они шли всю ночь и сильно устали, и я решил, что вряд ли они станут бродить по окрестностям и обнаружат наши следы на берегу.

Теперь предметом моего беспокойства был часовой, сидевший передо мной. Мы с Хосе решили, что я разбужу его перед полуднем, чтобы он сменил меня. Если я его не разбужу, он в назначенное время проснется сам и выйдет, чтобы сменить меня; в результате прозвучат выстрелы, которые услышит отряд внизу. Что же мне было делать?

Я оглянулся: между мной и рощей, где паслись наши лошади и спали мои товарищи, было пятьдесят ярдов совершенно открытого пространства! Часовой шайеннов все время поворачивался и, разумеется, заметил бы меня прежде, чем я смог бы пересечь это пространство и добраться до ближайших зарослей. Точно так же он заметил бы меня, если бы я пополз к какому-нибудь склону. Казалось, выход был один – выстрелить часовому в спину, а затем попытаться убежать от отряда, который, скорее всего, не догнал бы нас. Но от этой мысли меня бросило в дрожь: это было бы просто убийство, и я этого сделать не смог бы. Я не смог заставить себя поднять ружье и спустить курок – три раза попытался, но так и не смог. Нервы подвели.

Тогда мне пришла в голову мысль, что его, как и меня, должны будут сменить до полудня: все военные отряды делили день на части по три часа. Было вполне вероятно, что он спустится к реке и разбудит того, кто должен будет его сменить, и он мог бы уйти прежде, чем Хосе проснется и выйдет из рощи. Кроме того, осторожность Хосе была хорошо известна: перед тем, как выйти из рощи, он бы внимательно осмотрел окрестности и, увидев сидящего мужчину, не запаникует. Эта мысль меня обнадежила. Я поставил ружье на предохранитель, отодвинул его и снова лег, не двигаясь и не спуская глаз с сидящего передо мной человека.

Прошел час или больше. Солнце раскалило камни, на которых я лежал, и я задыхался от жары. Внезапно шайенн выпрямился, отчего-то встревожившись, и повернул голову к невидимому мне склону справа от нас. И потом я что-то услышал – слабый треск сломавшейся сухой ветки. Я снова поднял свое ружье и сказал себе: «Теперь повнимательнее! Спокойнее!»

Звук повторился еще и еще раз. Шайенн встал, а затем быстро бросился на землю и распластался на ней, готовясь стрелять. Мгновение спустя большая, худая, с торчащими клочьями шерсти медведица гризли с двумя медвежатами пришла, ковыляя, со скрытого от нас склона. Она приостановилась на краю плато, ближе к шайенну, чем ко мне. Как только она встала, детеныши полезли под нее, но она была не настроении их нянчить и парой пинков отбросила их от себя, так что они покатались по камням с возмущенными криками. Затем она перевернула большой плоский камень и начала слизывать муравьев, которые оказались под ним. Один из детёнышей побежал к ней, чтобы получить свою долю лакомства, но другой, встав на ноги, пошел в том же направлении, куда катился, прямо к неподвижно лежавшему индейцу. Он буквально уткнулся в него, сунул нос в его блестящие волосы и потом с криком ужаса повернулся и побежал к матери.

Хотя, если судить по внешности, такого и не скажешь, немного найдется животных, более «внезапных», чем медведь. В ответ на вопль ее детёныша мать-гризли взвилась в прыжке. Шайенн оказался не менее шустрым, чем она. Тому, как он перемахнул через гребень и бросился бежать по склону к реке Джудит, могла бы позавидовать и антилопа. Гризли последовала за ним до края склона и села там, рыча и с фырканьем нюхая воздух. Шайенн скрылся из поля моего зрения, и я воспользовался представившейся возможностью – в ту же секунду вскочил на ноги и помчался в рощу.

Оказавшись там, я встретил Хосе. По выражению моего лица он сразу понял, что что-то не так, и в нескольких словах я описал ему все, что случилось.

– Может быть все еще в порядке, – спокойно произнес он. – Пошли глянем.

Он прошел вперед меня к краю рощи, откуда мы могли увидеть лежавшую под нами долину реки Джудит, и увидели, что шайенн бежит через высокие заросли шалфея к роще, где отдыхали его товарищи. Медведица с детенышами ушли. Мы поспешили разбудить Питамакана и навьючить лошадей, и меньше чем через десять минут мы двигались к горам по лесистому гребню. Путь становился все круче. За полчаса мы поднялись до верха хребта, который был увенчан голым утесом, и спешили в сосновой роще. Позабывшись о лошадях, Хосе подобрался к краю утеса, достал свою подзорную трубу и скоро сообщил нам, что наблюдатель вернулся на место, которое недавно покинул, а внизу рядом с Джудит он видит пасущихся среди сосен лошадей.

После полудня наблюдатель оставил свой пост, и вскоре после этого весь отряд отправился на север, к выходу из долины; вне всякого сомнения, они собирались совершить набег и угнать лошадей у черноногих. Мы спустились, чтобы засветло выйти из леса.

Придерживаясь прежнего направления – на юг и юго-восток – на восходе мы оказались в сосновом лесу у истока ручья Армелла. Мясо у нас кончилось, и мы были очень голодны. Бизоны, лоси и олени были повсюду; мы решили убить молодую бизониху. С этой целью мы с Хосе поднялись на вершину холма и осмотрели окрестности. Не заметив ничего подозрительного, мы дали знак Питамакану, и он у самого ручья застрелил прекрасную трехлетнюю телку. Я взял обеих лошадей и поехал вниз, чтобы помочь ему освежевать тушу и заготовить мяса на три-четыре дня.

Продолжая путь по утоптанной тропе, проложенной черноногими во время кочевков между верховьями Миссури и Йеллоустоуна, следующим утром мы оказались у Черного Холма, у оконечности восточного отрога гор. Это был один из главных ориентиров в этой части страны. С его вершины открывался вид на север, на долину Миссури, и на восток, на реку Устричных Раковин, текущую на север, чтобы впасть в Миссури. Хосе сказал, что это место очень опасное, потому что все военные отряды всех племен, проходящие здесь, пользуются этим холмом, чтобы осмотреть окрестности. По той причине, напоив лошадей в ручье, текущем к западу от холма, на день мы привязали их в сосновом лесу, где была хорошая трава. Когда окончательно рассвело, мы расседлали лошадей и уселись на опушке леса, чтобы позавтракать запасенным мясом. Питамакан предложил, что первым будет дежурить на вершине холма.

– Здесь проходит много врагов, поэтому нужно тщательно осмотреть холм перед тем, как взбираться на него, – сказал ему Хосе.

Не переставая жевать, он достал подзорную трубу и стал осматривать местность.

Через некоторое время он вручил трубу мне, и я тщательно осмотрел холм, особенно зазубренную скалистую вершину, лишенную растительности, но ничего не заметил. После меня трубу взял Питамакан, он тоже осмотрел холм и сказал:

– Мац-ет-ци (ничего нет).

– Посмотри еще раз, особенно вершину, – сказал Хосе.

Питамакан ничего не нашел, не нашел и я, повторно осмотрев холм. Тогда Хосе снова взял трубу и вскоре сказал:

– Когда я посмотрел в первый раз, то увидел что-то, чего там быть не должно. Это по-прежнему находится там. Боюсь, ребята, что разведчики из вас пока неважные. Это плохо. Вы искали человека, который будет сидеть на вершине холма и выделяться на фоне неба. Я не стану показывать вам, что я обнаружил – посмотрите еще раз и попробуйте найти это сами.

Мы по очереди брали трубу и всматривались в нее, пока слезы не потекли из глаз, но так и не увидели ничего, кроме голых камней. Я держал трубу, когда Хосе снова заговорил:

– Посмотри пониже, от вершины к первой большой скале на северном склоне, – сказал он. – Рядом с ней – вторая скала. Теперь посмотри повнимательнее между ними. Что там видно?

– Верно; есть кое-что! Я могу разглядеть шерсть, это похоже на заднюю часть бизона.

– Но никакой бизон туда не поднимется. То, что ты увидел – одежда из бизоньей шкуры.

Теперь туда посмотрел Питамакан и согласился, что это действительно должна быть одежда из бизоньей шкуры. Естественно, мы стали думать над тем, кто мог там быть. Может быть, это был убитый часовой, одежду которого враг не взял? Или просто кто-то ушел оттуда и оставил там свою одежду? Обсуждение длилось, пока мы не закончили есть.

– Я думаю, что мы пока останемся здесь, – сказал Хосе. – Мы пришли сюда, пока было еще слишком темно, чтобы нас мог увидеть с холма хозяин этой одежды. Его отряд, скорее всего, располагается с другой стороны холма. Так что вы, ребята, пока ложитесь спать, а я покараулю.

Но мы были так взволнованы мыслью о том, что или кто же находится на холме, что не могли уснуть. Прошел час или больше, когда Хосе вдруг прошептал нам:

– Ребята, оно ушло.

– Как? Когда? – спросил я.

– Я не знаю, как, – ответил он, не отрываясь от трубы. – Недавно я смотрел – одежда была там, а посмотрел только что – да сами гляньте.

Мы по очереди посмотрели в трубу и убедились, что он прав – одежды не было.

– Я все время это знал! – воскликнул Питамакан. – Моя магия сказала мне, что на холме был человек.

– Ну, и что теперь делать? – спросил я.

– Есть одна вещь, которую я не выношу – это опасность, которой я не вижу, – сказал Хосе после длинной паузы. – Нужно выяснить, находится ли за холмом военный отряд, или на холме был только один человек. Но сначала нужно оседлать лошадей.

Когда мы все сделали и были готовы в любой момент рвануться с места, Хосе велел нам выйти к опушке леса и наблюдать, а сам он, не выходя из леса поднялся к месту, с которого был виден дальний склон холма. Холм соединялся с горами узкой седловиной, местами поросшей соснами. Хосе, чтобы не выходить на открытое место, должен был сделать крюк в полмили.

Трубу он оставил нам, и мы сели на краю леса, по очереди осматривая холм и окрестности.

Это было беспокойное время. В те дни большие, тихие равнины часто были полны неожиданностей для путешественников. Вроде только что на обширной равнине все было спокойно, и птицы – жаворонки, спокойно щебечущие и порхающие вокруг, усиливали чувство безопасности. И вдруг со всех сторон появлялись опасные признаки – птицы начинали беспокойно кружиться и издавать тревожный свист. Так случилось и сейчас. Мы были уверены в том, что угроза для нас, если она есть, находится на холме, а север для нас безопасен и туда можно уйти. Теперь вдруг на расстоянии около двух миль от нас, из русла сухого ручья показался отряд всадников численностью в двенадцать человек, который направился к нам, и стадо бизонов, пасшихся ниже по ручью, оставило свое занятие и помчалось на юг/ поднимая облака пыли; несомненно, их обратил в бегство еще один отряд.

– Что теперь делать, брат? – спросил я.

– Я не знаю, – ответил Питамакан. – Надо быстро решать.

С этими словами он выхватил трубу из моих рук и навел ее на вершину холма. Мне не было в ней нужды. На самой вершине холма, выделяясь на фоне неба, индеец отчаянно размаивал плащом, то поднимая, то резко опуская его до земли, давая всадникам знак ехать к нему или в этом направлении. Обернувшись назад, я увидел, что предводитель отряда тоже машет своим плащом сверху вниз, отвечая часовому.

– Он прыгнул вниз, и его теперь не видно! – крикнул Питамакан.

Это было так. Часовой с холма исчез. Всадники, подгоняя лошадей, направлялись прямо к нашему лесу.

– Мы влипли, – сказал я. И в ответ Питамакан только кивнул.

## ГЛАВА III

Пока мы стояли там, не зная, что предпринять, из пересохшего русла вышел еще один отряд индейцев и тоже направился к холму, не обращая внимания на бегущих с юга бизонов.

– Они из одного отряда, – сказал Питамакан. – Часовой на холме давал знак обоим. Возможно он обнаружил нас; мы должны немедленно уходить отсюда.

Никогда во всех наших приключениях мы с Питамаканом не были так взволнованы, как в тот раз, и отсутствие Хосе добавляло беспокойства.

– Должен быть какой-то выход, брат, нужно молиться, – с волнением сказал Питамакан и начал молиться своим богам.

Первый отряд всадников был теперь менее чем в миле от нас и направлялся прямо к тому месту, где мы прятались.

– Нужно бежать, мы не можем больше ждать Хосе, – сказал я. – Нужно закопать порох и пули и попробовать спрятаться в лесу.

Едва я начал это делать, как Питамакан крикнул:

– Обернись! Посмотри туда!

Я посмотрел, куда он указывал. Одиноким часовым, прыгая с камня на камень, быстро спускался по северному склону холма. Первый отряд тоже увидел его и, отклонившись со своего маршрута, встретил его у подножия склона; второй отряд, у одного из людей в котором была запасная лошадь, присоединился к ним мгновение спустя. После минутного разговора человек с холма сел на лошадь и весь отряд пошел на запад, к сосновым рощам на берегах ручья Армелла.

– Кай! Все понятно! – торжествующе крикнул Питамакан. – С вершины холма наблюдатель обнаружил приближение другого военного отряда, и теперь они убегают так быстро, как могут!

При таком повороте дел мы почувствовали себя несколько лучше и снова сели на краю леса, чтобы ждать Хосе. Но когда солнце поднималось все выше и выше, а он не появлялся, мы стали волноваться. Наездники давно исчезли среди поросшими соснами холмов, и напуганные бизоны тоже ушли. Снова местности показалась нам безлюдной. Был почти полдень, когда Хосе наконец появился, пробравшись среди сосен.

– С чего это у вас такие большие глаза? – со смехом спросил он. – Вы так смотрите, словно чего-то испугались.

Выслушав наш рассказ о наблюдателе на холме и всадниках, он сказал, что тоже видел их с вершины гребня. Потом он рассказал нам свои новости; на маленьком ручье к югу от холма находится большой отряд – пятьсот всадников. Три их разведчика сейчас поднимаются на холм. Мы, сказал он, должны оставаться на месте, потому что вряд ли они проедут через этот лес.

Чуть позже, когда мы снова ели, эти трое показались на вершине холма. Они не утруждали себя попытками замаскироваться и сидели открыто на самом верху, выделяясь на фоне неба, курили и осматривали местность. Через трубу мы смогли их рассмотреть; по их прическам, одежде и вышивке мы определили, что это Вороны.

Весь день мы поочередно спали, Хосе дежурил последним и перед закатом он нас разбудил, чтобы мы могли увидеть, как военный отряд проходит мимо холма. Трое наблюдателей спустились с холма и присоединились к ним, сказал он.

Вопреки нашим ожиданиям отряд не свернул на тропу черноногих у подножия холма, а направился на северо-восток, к устью реки Устричных Раковин.

– Ах! Они идут против других врагов, гро-вантров или ассинибойнов, – сказал Питамакан с тяжелым вздохом. – Я уже боюсь за наш табун, который так тяжело нам достался.

Мы оседлали лошадей и, когда сумерки сменились ночной темнотой, продолжили путь, выйдя из леса на большую тропу. Позже, когда мы миновали холм, я в ярком лунном свете ясно увидел Снежные горы, самые удаленные отроги Скалистых гор. Днем мы спали мало, дневные волнения утомили нас, и наши лошади тоже не могли идти, потому что им нечего было есть, так что мы остановились у первого ручья, который тек с поросших сосняком склонов Снежных гор, и там остановились на отдых. Мы поочередно спали с полуночи до следующего вечера, а лошади паслись на зеленой траве, диком горохе и диком винограде, которых было в изобилии среди рощи хлопковых деревьев.

Вечером мы ушли от этого ручья, дошли до ручья Плоской Ивы и пошли вниз по его течению до его впадения в реку Устричных Раковин. Хосе сказал, что тут часто проходят военные отряды, поэтому мы останавливались и прислушивались, ловя подозрительные звуки. Наконец на востоке появились первые признаки приближающегося дня. Нам нужно было найти укрытие, и сделать это следовало быстро, но ничего подходящего мы найти не могли. Все мы держались в нетерпении, и слова Питамакана о том, что его магия предупреждает его о большой опасности, увеличивали наше беспокойство.

Было уже совсем светло, когда Хосе нашел, наконец, место, где мы могли укрыться – рощу из черемух и дикой сливы на вершине холма, разделявшего две реки. Мы стреножили лошадей и, выйдя к краю рощи, осмотрели окрестности в подзорную трубу. Никаких признаков присутствия военных отрядов мы не увидели, как не увидели никакой дичи, кроме маленького стада бизонов далеко к востоку от реки.

Мы ослабели от голода. Я вынул из выюка мешок с мясом, но, когда я его развязал, ощутил такую ужасную вонь, что поспешил отнести подальше по ветру и выбросить. Другой еды в этот день не было. Как обычно, мы разделили день на три части. Питамакан дежурил последним и разбудил нас с Хосе за час до заката. Кругом, как он сказал, было тихо, и нигде не было видно ни одного живого существа, кроме двух лосей, пасущихся на краю рощи у подножия нашего холма.

Хосе взял трубу и изучил местность.

– Кажется, все тихо, – сказал он. – Давайте подстрелим одного из этих лосей, без мяса мы не сможем идти дальше.

Но Питамакан возразил.

– Моя магия весь день предупреждала меня о том, что нас ждет опасность. Конечно, мы хотим есть, но я думаю, что нужно уйти отсюда так же осторожно, как мы пришли сюда.

Но я не согласился с ним, и после небольшого спора Хосе спустился с холма. Как только мы услышали выстрел из его ружья и увидели, как один из лосей упал, мы присоединились к нему. Когда мы добрались до него, он уже добил животное и вырезал у него лучшие куски мяса. Теперь мы поняли, почему страна была настолько лишена дичи; повсюду вокруг были потухшие очаги большого лагеря, и пушистый пепел на них говорил, что они остыли не больше чем два дня назад. Свежие следы показали, что обитатели лагеря ушли на реку Устричных Раковин. Хосе сказал, что скорее всего это были Вороны.

Напоив лошадей, мы ждали до темноты, разведя среди густого леса маленький костер, чтобы зажарить мясо лося. Питамакан хотел идти дальше, как только мы утолим голод, но Хосе настаивал на том, чтобы приготовить столько мяса, чтобы его хватило до самого Йеллоустуна. Он говорил, что место, где недавно был лагерь – самое безопасное. Едва он это сказал, как немного выше по течению раздался крик совы, и ему ответил другой, ниже нас.

– Вот! Я так и знал! – воскликнул Питамакан. – Это не совы; это враги.

Тут же наши лошади начали фыркать. Хосе схватил палку и одним движением разбросал костер.



– Быстрее! Быстрый! Доберитесь до лошадей! – командовал он.

После яркого огня внезапная темнота на некоторое время ослепила нас, и мы должны были ощупью искать среди деревьев дорогу к тому месту, где на привязи метались вконец напуганные животные. Мы почти добрались до них, когда справа от нас, совсем рядом, кто – то выкрикнул команду на языке, который, как мне показалось, был языком Ворон. Хосе крикнул, чтобы мы упали, и едва мы оказались на земле, как со всех сторон дюжина или больше ружей выплюнули огонь и прогрехотали. Я схватил свое ружье и попробовал определить, куда мне целиться, когда Хосе крикнул: «Не стреляйте!» Потом, громче, он прокричал на языке Ворон:

– Не стреляйте! Мы друзья, люди компании. Это ваш старый друг Желтое Копье!

Мы с Питамаканом не могли понять, что он говорит, в нас выстрелили еще раз и мы должны были выстрелить в ответ. К нашему удивлению, кто – то поблизости ответил ему, и после короткого обмена словами Хосе сказал нам встать и идти к лошадям. Мы были взяты в плен, сказал он, и не должны оказывать никакого сопротивления. Когда мы встали на ноги, Вороны немедленно окружили нас; они забрали наши ружья и грубо обшарили нас в поисках другого оружия. Хосе тем временем продолжал говорить с нашими пленителями, которые теперь толкали нас назад к нашему костру. Один из них сгреб тлеющие угли и раздул их, и огонь вспыхнул вновь.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.